

ЗНАНИЯ — СИЛЬНЫМ, ТРУД — БЕДНЫМ, БЛАГОДЕНСТВО — ИЗБРАННЫМ?..

Татьяна Кораблёва,
президент
Международной
Макаренковской
ассоциации,
доцент кафедры
философии и
культурологии
Российского
государственного
медицинского
университета,
кандидат
философских
наук

Отказ от социального воспитания в 90-е годы прошлого века пришёл вместе с развалом Советского Союза и «деидеологизацией» всех сфер духовной жизни нашего общества. Хорошо памятна общественная риторика тех лет: воспитание — это функция семьи, главное назначение школы — дать человеку хорошее образование, а воспитание всегда отягощено идеологией и потому не способно обеспечить свободу личности и т.д. Пугали коллективом, дисциплиной, возвращением тоталитаризма, стыдили историческим прошлым. Впереди нас ожидало общество, сорвавшее, наконец, с себя все маски лицемерия, очистившееся от лжи, вступившее на путь «цивилизованного человечества». Запомним: это были симпатичные цветочки, весна наших надежд на кардинальное обновление общества.

Каждый из нас, граждан России, извлёк какие-то уроки из этого мучительного процесса «переоценки ценностей». Что же сегодня утвердилось взамен сознательно преодоленного и так же сознательно вытравленного?

Сегодня слышатся сплошь и рядом громкие зывания всех политических сил к возвращению идеологии. Вчерашние безудержные гонители идеологии вдруг открыли для себя, что без идеологии не существовало ни одного общества. Никогда и не будет существовать. Либеральная интеллигенция, подобно троянскому коню, взамен прежней идеологии привнесла свою: свободу личности и её права (что, конечно, хорошо), но, увы, без обязанностей и любой ценой; принципиальный индивидуализм, взамен коллективизму и общинному сознанию россиян, одобрение частной собственности, даже криминальной по происхождению, отказ от социальной справедливости от социальной миссии государства. Вместо труда созидания, труда как духовного деяния, либералы провозгласили труд как зарабатывание денег, основу личного благополучия равными общественному значению труда. Конкурируйте на рынке — «полная вам свобода». Воспитанием *трудоспособного* гражданина общество целенаправленно не занимается, не культивирует трудовую мораль, но успешность всякого рода приветствуется и прежде всего — финансовая. Получается, что успешность эта возможна и достижима без постоянного труда. Романтизируется успех, случай, фортуна, выигрыш («Как стать миллионером»). Стремление получить всё, сразу и без усилий. Подтверждение этому тезису — индустрия казино, игровых автоматов, игровых шоу, типичные сюжеты современных фильмов, из которых невозможно понять причину внезапного успеха главного героя, либо это причины заведомо криминальные.

Хочу задать вопрос не без сарказма новым идеологам: а безграмотность детей школьного возраста, их массовое бродяжничество тоже являются частью этой новой идеологии? По данным министра внутренних дел Российской Федерации Рашида Нургалиева на 1 июня 2005 года у нас в стране было два миллиона (пол-Санкт-Петербурга) безграмотных подростков, два миллиона (!) подвергались различным формам насилия и, наверняка, теми методами, которым были научены родным коммерческим телевидением — «стрелялками и пугалками», освоенными детьми в то время, когда бесплатных кружков, секций, клубов по месту жительства почти не осталось. Не считают ли наши велеречивые правозащитники право на образование — свободное и доступное — для миллионов людей, и в первую очередь, детей, достойным защиты?

Беспризорность как социальное явление отличается от склонности подростков к бродяжничеству и романтическим приключениям. Именно за эту социальную язву —

беспризорность — ответить в первую очередь должны либерал-реформаторы 90-х годов с их идеологией «свободы личности во что бы то ни стало». Стране, конкретным людям и детям это слишком дорого обошлось. А судя по всему, совесть у Гайдара, Чубайса, Немцова вполне чиста: ведь непризорность — побочный и нежелательный (не исключено, что даже и для них) продукт грандиозного либерального проекта в России.

Не грешат простым человеческим сочувствием наши «правозащитники» во главе с Ковалёвым и Новодворской. Суд над Ходорковским и Лебедевым, за которыми стояли 12 миллиардов долларов, — сюжет для правозащиты более интересный, а главное, выгодный. А что взять с неимущего непризорника? Задача наших «защитников» — разрушить «империю зла», как они называли Советский Союз, выполнена, а «щепки» — несколько миллионов непризорных детей этих господ не волновали и не волнуют. Комфортная жизнь, богатая впечатлениями от поездок по всему миру, им гарантирована. Их совесть чиста и жизненная миссия выполнена: империи больше нет, осталось поминать жертвы ГУЛАГа и, пожалуй, начинать новую атаку: при Путине стало меньше «свободы», чем при Ельцине. Место их сборов на Лубянской площади невольно заставляет соотнести масштаб деяний и проклинаемого ими Дзержинского: Феликс Эдмундович начал борьбу с непризорностью, а такие педагоги, как Макаренко, её преодолели, а вот дела наших правозащитников куда скромнее: им удалось всего лишь снести памятник Дзержинскому, победить же непризорность не входит в их планы.

Бывший министр культуры Швыдкой, ещё будучи министром, изрёк своё гиперлиберальное кредо: непризорность — личное дело ребёнка, результат его свободного выбора, где ему спать — дома или на заплёванном полу вокзалов. Непризорность, по мнению либералов, — «естественная плата общества за свободу».

Теперь уже всем известно: страну накрыла 3-я волна непризорности, как и после двух мировых войн XX века. 90-е годы были очень конфликтными, но всё же войны не было. А непризорных то ли три миллиона, то ли пять. Да и преступность как-то неестественно помолодела: по всё тем же данным Нургалиева, её средний возраст 9 лет! Вдумайтесь, пожалуйста, в эту цифру. Это значит, начинает ребёнок преступную жизнь уже в 6 лет. Правда, ребёнок ещё не знает своего счастья: он свободен. Воровать себе еду и не ходить в школу он может совершенно спокойно — у таких же, как он, свободных учителей в свободном обществе, видимо, нет обязанности и потребности обойти дома в микрорайоне школы, взять на учёт всех подлежащих обучению детей с последующей проверкой, пришли они в школу или нет. Если это ещё не непризорность, то уже точно безнадзорность. Вот самые последние данные: за лето 2005 года было задержано 140 тысяч подростков, 20 тысяч из которых не имеют своего дома и родителей.

Наши высокообразованные либерал-реформаторы высмеивали советское руководство за недостаточную образованность и компетентность (и это бывало), однако сами проявились как образованные циники. Если после 1917 года страна массовой неграмотности при твёрдом намерении политической элиты стала страной грамотных людей, то наша современная элита, получившая образование в лучших вузах СССР, а также в Гарварде и Кембридже, довела до безграмотности два миллиона детей, среди которых есть ребята 15–16 лет, не умеющие ни читать, ни писать.

Наши идеологи установили двойной стандарт во всём: коллективизм — это плохо и опасно, а корпоративность — хорошо. Дисциплина в советском учреждении — это казарма, а на частной фирме — это норма. Труд на совесть в советское время не мог быть свободным — это труд рабов. Ненормированный труд на частном предприятии при полной незащищённости от произвола хозяина — это, разумеется, свободный труд.

Молодёжная политика раньше была избыточно патерналистской, а теперь молодёжь свободна не только от заботы и опеки, но и от основных гарантий бесплатного и свободного образования, отсрочек от службы в армии во время учёбы, целевого трудоустройства. Все от всех гарантированных прав в России теперь свободны. Непризорность 20–30-х годов — плата за «преступный большевистский проект» в России, а нынешняя непризорность — «естественная» плата за весьма ограниченную свободу большинства и вседозволенность избранных.

Ну что же, всё посеянное рано или поздно даёт свои всходы и плоды. Вкусны ли «ягодки» реформ, которые начинались почти 15 лет назад? И вот ещё одно сопоставление: после гражданской войны, с 20-х годов XX века до середины 30-х, с непризорностью страна справилась, а мы за те же 15 лет её породили и продолжаем порождать.

Справедливости ради скажу, что беспризорность и отсутствие воспитательной политики вычленили как проблему верхи нашего общества в 1999 году. На всех уровнях заговорили об этом, не замалчивали. Приняты были важные документы: Федеральная программа «Дети-сироты» (1999) закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999) и другие.

В январе 2002 года президент РФ потребовал справиться с беспризорностью. Выделили деньги, к уже существовавшим фондам и приютам добавились новые. Но... количество беспризорных в официальных сводках стало ещё интенсивнее увеличиваться. Пока для работы с этой категорией детей не было целенаправленного финансирования, их количество, видимо, занижали. Так что о точных цифрах говорить не приходится...

Благодаря приютам (их только в Москве пятнадцать) и всем службам, определяющим в них детей, уличных детей стало как будто меньше. И слава Богу. Но у приютов невысокая пропускная способность — 40–60 человек, и должны они там находиться 1 месяц, реально — полгода и больше. А дальше что? Приют — это *временная*, очень краткая фаза в жизни социально неблагополучного ребёнка, где его приютят, накормят, обогреют, обеспечат документами и определят куда-либо — в приёмную семью или детское учреждение на более длительный срок. Но совершенно ясно: «дорогу к дому» найдут единицы от общего числа миллионов нуждающихся.

«Где же вы, новые Макаренки?», — приходилось не раз слышать такой вопрос с украинским произношением. Проблема столь масштабна, что для её решения нужны уже *миллионы* педагогов и социальных работников, если исходить из принятой ныне в приютах численности персонала один к одному. Однако это не реально.

Вот уж воистину парадокс нашего времени: о трудолюбии «закордонных»

граждан как залого благополучия страны мы слышим в идеологических проповедях и увещеваниях своих реформаторов-западников: «Они там (за границей) хорошо живут потому, что умеют работать лучше русских, которых испортили барщина и советское разгильдяйство». Допустим. Но что мы получили сейчас? Средства массовой информации и особенно реклама активно формируют потребителя, который в форме своеобразной товарной анестезии «заедает» и «запивает» постоянный стресс, свою неуверенность в будущем. **Человек есть то, что он носит (ест, пьёт, имеет) — таково понимание человека в нашем обществе.** В здоровом обществе **человек то, что он делает, создает.** Все остальные проявления человека зависят от этой мерки.

Почему же «реформаторы» продолжают навязывать молодёжи **потребительскую** мораль? Идеалы рынка? Но ведь на Западе давно уже сложилась культура рынка, а не его фетиш. Премьер-министр Франции Леонель Жоспен (1999) заявил: «Рынок для нас является реальностью, в которой мы живём и действуем. Но он не может быть горизонтом общества. Не ради рынка утверждается демократия».

Особое возмущение вызывают либерал-реформаторы в сфере образования и воспитания. Они-то обязаны знать последствия исхода государства из сферы социального воспитания. Одним образованием, да ещё и постоянно реформируемым, не вырастить полноценных людей. И воспитательными ресурсами разорённой и униженной семьи тоже не обойтись. А воспитание упразднить нельзя. Оно есть всегда, только сегодня стихийное — уличное, рыночное, телевизионное.

Вопрос не академический, а гиперпрактический: нам нужен достойный гражданин, свободный и ответственный, образованный, уважающий закон и, если хотите, частную собственность? Да или нет? Ответ, убеждена, положительный. Но что для этого делается нашим Министерством образования и науки? Каких союзников, какие общественные силы поддержало министерство в решении этой долговременной задачи?

Вот уже четыре года как Международная макаренковская ассоциация поддержала инициативу журнала «Народное образование» и с 2003 года совместно проводит ежегодные конкурсы школ, колледжей, интернатов, детских домов, где есть сильные *хозяйства*, где воспитывают делом, а не разговорами о нём или ожиданиями лучших времён. Рост количества конкурсантов — от 10 до 30 в финале, вовлечение в это движение новых российских регионов от Центральной России до Приморского края, уровень поддержки — от рядовых педагогов до региональных властей и представителей бизнеса, появление студенческих педагогических отрядов свидетельствуют: здравый смысл в педагогике сохранился, особенно в сельских школах.

Министерство и времён Филиппова, и нынешнее наши инициативы проигнорировало. Воспитание труженика, гражданина, нравственно состоятельного человека — это чья задача? Общества? Вот мы, общественники, и стараемся, как можем.

А что по части воспитания есть у нашего министерства? Досуговая педагогика силами дополнительного образования, к тому же всё более и более платного.

Городские школы, многие училища и колледжи, вынужденно или убеждённо, что хуже, ограничиваются словесным воспитанием, а то и демагогическими соображениями о том, что самообслуживание — это тоже труд. Огромная страна умудряется десятилетиями воспитывать своё подрастающее поколение без серьёзного вовлечения в трудовую деятельность на современном уровне.

Как не упомянуть о таком направлении деятельности нашего министерства, как подготовка специалистов высшего профессионального образования «по болонскому счёту», что либерал-«образованцы» предлагают населению страны, не вышедшему ни исключительными способностями, ни исключительными доходами? Не означает ли это вытекающей отсюда проблемы *труда для бедных*?

Среднее профессиональное образование — профучилища, колледжи переданы на региональное финансирование, и вскоре начался процесс их закрытия, приватизации. Самое время юным кадрам податься на выучку к «авторитетам». Если даже среднее специальное образование не хотят «реформаторы» давать детям, то о воспитании уважительного отношения к труду, к чужой собственности — как на Западе — не стоит лить крокодиловых слёз. Вы сеете зубья дракона, господа, готовите социальный взрыв. Лондона на всех не хватит. Воистину, правая рука не знает, что делает крайне правая...

Согласитесь: вопрос о трудоустройстве подростков на работу хотя бы в каникулярное время полтора десятилетия не находит удовлетворительного решения. С этим не смогли справиться и при социализме. Тогда — из-за избыточной заботы о детях («пусть отдыхают!»), сегодня из-за недостаточной заботы («не до вас!»). Лучшие педагоги, публицисты нашей страны в 70–80-е годы не только ставили вопросы о том, *что* можно доверить детям, но и искали возможные пути. Мы узнали о школах Кубракова, Карманова, Католикова, Захаренко, о замечательном опыте многих сельских школ. Подчеркну: всё ценное в этом опиралось на технологию А.С. Макаренко.

Но вспомним, как академическая мысль относится к наследию Макаренко. Тем, кто на Олимпе, Макаренко всегда не ко двору: «Ценна его педагогика, да только устарела уже». Или: «Его конёк — беспризорные», «Он принадлежит тоталитарной эпохе» (не вовремя родился!). Или: «Результаты воспитания у Макаренко, конечно хороши, — безрецидивная педагогика, да вот методы не нравятся»... Свободу личности «не так» понимал, как надо, «докатился» до дисциплины как этической категории...

Есть ли сегодня что-то новенькое в антимакаренковских аргументах? Нет. Барское отношение к жизни, неуважение к труженнику заставило когда-то некоторых наших учёных назвать

достижения Макаренко «мозольной педагогикой». Сейчас этот же барский тезис аргументируется ссылками на постиндустриальное общество, на информатизацию, глобализацию. Характер труда в «светлом постиндустриальном обществе» настолько де изменится, что не нужны будут трудо-способные люди...

К счастью, есть и сама жизнь с её объективным несуетным течением. Она уже давно признала Макаренко классиком как отечественной, так и мировой педагогики. Он занял место среди самых достойных педагогов XX столетия — Д. Дьюи, М. Монтессори, Г. Кершенштайнера. Он оценён как великий социальный психолог, создавший теорию изучения коллектива как социальной группы высокого уровня развития. Макаренко — могучая фигура, социальный реформатор, а не мелкий приспособленец времён сталинских репрессий. «Какою мерой меряете, господа, такой и вас будут мерить...».

Антон Семёнович вышел далеко за границы педагогики трудного детства, создав **педагогику будущего**, где вместо деклараций о свободе ребёнка и его правах осуществлялась на деле та мера свободы, которая только возможна для реального человека в реальном обществе. Так уж повелось: для русского человека зачастую оценка какого-либо явления Западом является более убедительной, своеобразным критерием истины. Приведу, например, мнение норвежского исследователя Арне Ролла о Макаренко: «Величие его заслуг так велико, что только следующие поколения людей смогут их оценить».

Почему бесценный опыт работы Макаренко хотя бы с беспризорными, на нашей родной почве не используется в государственном масштабе? Может быть, ждали каких-то новых открытий в этой области, которым опыт Макаренко явно уступил бы по эффективности? Но ведь нет таких открытий!

Убеждена: для решения сегодняшних задач необходимо создавать отнюдь не фонды для борьбы с беспризорностью,

а бросить лучшие силы страны для создания загородных поселений (опыт в стране и мире есть), общин, коммун, семейных детских домов с крепким агропромышленным производством. Без серьёзного приобщения к разнообразным видам деятельности воспитанника, без организации труда невозможно полноценное воспитание. Это подтверждено веками.

В настоящее время многие заводы будут выводиться из городов и, значит, обоюдный интерес воспитательных и производственных учреждений может быть найден. Архитекторы, строители, экологи, педагоги, экономисты, менеджеры, директора предприятий, бизнесмены могут разработать такие проекты, о которых мы и подозревать не можем — была бы государственная воля, общественная поддержка и личная заинтересованность. Ведь все открытия, как известно, делаются от нужды.

Если мы хотим макаренковских результатов, то за основу работы надо брать его принцип — приоритет воспитательных целей. Допустить (равно дорастить) ребят до серьёзной работы, с помощью чего и преодолевать запущенность в их учёбе. На городском асфальте, скажем, при современных возможностях приютов, такой задачи даже ставить нельзя. Максимум чего можно потребовать от парня, попавшего в приют, — подежурить в коридоре. Другой деятельности там для него нет, а ведь он полжизни своей прожил на «вольных хлебах» и явно старше своего фактического возраста. В городских общеобразовательных школах — та же ситуация: игра в труд при огромном естественном желании подростков серьёзно работать, чувствовать свои растущие силы и возможности. *Досуговая* педагогика тратит свой запал на организацию развлечений, воспитывая безделье и потребительство.

От того, что в городе педагогика Дела чувствует себя менее уверенно, чем педагогика досуга, не следует обществу отказываться от поиска решений пробле-

мы. Найти подросткам посильную и привлекательную работу, а по Макаренко ещё и социально значимую, — все ещё остаётся фантастикой.

Нужна большая работа по современному прочтению наследия Макаренко без идеологических штампов. Нам предстоит преодолеть разнообразные фобии относительно феномена коллектива. Как было доказано в отечественной социальной психологии, **коллектив — это малая группа высокого уровня** развития, ставящая перед собой социально-ценные задачи. Для Макаренко воспитание в коллективе и через коллектив — важнейшее теоретическое и практическое положение. Абсолютно принципиальное. Антон Семёнович утверждает, что воспитание в коллективе, в котором сложилась чёткая и ясная система реальной ответственности каждого за общее дело, есть свои традиции, ритуалы, стиль, общий мажорный тонус, — в таком коллективе воспитание становится делом *лёгким* и для воспитанников, и для педагогов. Здоровый коллектив обеспечивает личности оптимальную защиту и гарантирует обеспечение её человеческих прав.

Сколько академических копий сломано по поводу «парной педагогики» и «свободного воспитания»? Когда сейчас, почти через сто лет после этих дискуссий, учителя всерьёз говорят о всеисилии индивидуальной работы воспитателя с воспитанником (учеником), той самой «парной педагогики», меня охватывает чувство огромной досады и такой же большой неловкости. Макаренко тем и интересен всему миру, потому и стал классиком педагогической мысли, что не остановился на индивидуальной работе, моральных увещеваниях ребёнка. Свои педагогические намерения он спрятал глубоко вовнутрь и вместе с ребятами создал такую жизнь коллектива воспитанников и педагогов, когда собственно воспитательная работа была не видна. Вот почему воспитанники не ощущали себя объектами педагогических усилий.

О том же ощущении естественности совместного труда говорили участники IV Международного конкурса им. А.С. Макаренко.

Ошеломила организаторов конкурса и Макаренковских чтений новая угроза для хороших, зажиточных хозяйств. Опасаются директора, что успехи в хозяйствовании могут обернуться снятием их с бюджетного финансирования. Вот такая специфически российская логика: *чем лучше, тем хуже*. Не дай Бог, вырастить рекордный урожай! Мы его не соберём вовремя, не сохраним и, даже более того, именно в этот год на зерно вырастут цены. Так и было года три назад.

Общественные организации — Международная макаренковская ассоциация и делающая свои первые шаги Российская макаренковская ассоциация, к счастью, — одно из немногих демократических достижений педагогического сообщества. Обе ассоциации, несомненно, поддержат ценный опыт продуктивной занятости детей и подростков. Мы будем искать союзников, партнёров в стране и за рубежом ради поиска лучшей доли российскому детству. **НО**